

Выстрел в ночи

«Прошлое России славно, ее нынешнее положение блестяще, а ее будущее превзойдет все ожидания», — такую оценку давал во времена Николая I глава III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и основатель корпуса жандармов России Александр фон Бенкендорф. Генерал Бенкендорф сам был представителем прибалтийского дворянства, родом из Эстляндии, но, как и многие другие члены его сословия, он вполне усвоил цель процветания государства, империи и тем самым и своего собственного сословия и родного края.

Бенкендорф символизировал ту идеологию *официальной народности*, суть которой лапидарно сформулировал министр просвещения Николая I граф Сергей Уваров в 1833 г.: «православие, самодержавие и народность!» Это было русской альтернативой французской триаде: «свобода, равенство, братство!» (*liberté, égalité, fraternité*). Эта идеология оставалась официальной доктриной Российской империи до 1917 г.

Россия, которая унизила возглавляемую Наполеоном общеевропейскую Великую армию и казаки которой вступили в Париж, переживала в начале столетия момент высочайшей национальной гордости. У Западной Европы России нечему было учиться. Запад был способен предложить только атеизм и революцию, он являлся деградирующим миром и, кроме того, был слабее России в военном отношении, а также менее ценным духовно. Светские круги Петербурга охотнее ездили в Кайвопуисто в Хельсинки, чем принимали ванны и пили воды Баден-Бадена, если они того хотели.

Как известно, желание власти было в России законом, и каждый устремленный в будущее человек принимал это во внимание, как маркиз Астольф де Кюстин констатировал в своей знаменитой книге о путешествии в 1839 г., в которой он описал Россию, особенно Петербург и его окрестности. К флиртовавшим с властями принадлежала также группа писателей, самым знаменитым из которых был Николай Гоголь, который, правда, скорее поддерживал систему из искренних убеждений. Наиболее неприятным из поддерживавших официальную доктрину «официальной народности» писателей был уже знакомый нам Фаддей Булгарин, который много писал также и о Финляндии.

Российская интеллигенция, появившаяся, по мнению многих, именно в это время, в 1830-е гг., всегда сохраняла дистанцию

по отношению к власти. Восстание декабристов было подавлено в 1825 г., а его руководители повешены, но их дух продолжал жить. Втайне идеалы свободы поддерживал Пушкин и круг его друзей, в который входил и представитель аристократии Петр Яковлевич Чаадаев, молодой офицер, который отличился во время войны с Наполеоном, но затем оставил службу и посвятил себя философии. Чаадаев принадлежал к тем очень редким в то время русским, которые на портретах запечатлены в гражданском платье.

Атмосферу в России 1830-х гг. уместно сравнивать с брежневским временем в Советском Союзе. Самовосхваление стало национальной верой. Запад был побежден в войне, там нечего было искать что-то хорошее. Русским было достаточно России, и она была пригодна и для других. В 1836 г. эта затхлая идиллия была разрушена событием, которое нередко характеризуется как «выстрел в ночи». Нарушителем мира и консенсуса стал Петр Чаадаев, который опубликовал в журнале «Телескоп» статью под названием «Философические письма».

Статья Чаадаева была пощечиной господствовавшей ортодоксии. Он утверждал, что Россия представляет собой причудливый гибрид, который не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу. У нее не имеется ни исторической преемственности, ни «нравственной личности». Русские не представляют собой нации в том смысле, как европейские народы, они лишь собрание отдельных людей, в головах которых «нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно». Моральная атмосфера Запада с идеями долга, справедливости, права и порядка недоступна России, как и логика западных стран. Вершиной бедственного положения Чаадаев считал историческую иррациональность русских: *«Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих... Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили».*

Как и следовало ожидать, эта лобовая атака на основы самодовольства самодержавия вызвала соответствующую реакцию. Чаадаева официально объявили душевнобольным и изолировали

от светских кругов. Такие же последствия имели схожие преступления во времена Брежнева в Советском Союзе.

Философ, однако, не был помещен в психиатрическую лечебницу, он мог дома работать над «Апологией сумасшедшего», в которой попытался обосновать мысль, что отсутствие истории у России не было только плохим делом. Отсутствие традиции способно также предложить исключительную возможность для развития. Во всяком случае, критика Чаадаевым господствующей культуры была уничтожающей. Следовало что-то предпринимать, чтобы спасти Россию, для появления у нее подлинной культуры. По его собственному истолкованию, насущной проблемой родины было то, что она всегда была отдалена от западного мира после разделения церквей. Воссоединение с католицизмом после восьми столетий раскола не являлось, однако, в то время решением для русской интеллигенции, не говоря уже о власти.

Но «Философические письма» не остались без отклика. Они послужили импульсом к самым известным историософским дискуссиям в России, которые велись между славянофилами и западниками и которые все еще продолжаются. Коротко говоря, речь шла о проблематичном отношении России к Европе, о чем говорил Чаадаев. Молодая интеллигенция была единодушна в том, что следует что-то делать. Однако выводы, касающиеся направления требуемого изменения, были противоположными. Те, кого стали именовать славянофилами, считали, что главным виновником «безличностного» полувосточества России был Петр Великий, который обрушился на традиции русских и преуспел в их уничтожении в европеизированных кругах высшего общества. Высший класс, однако, жил полностью изолированно от простого народа, в котором все еще можно было найти былую неиспорченную, первоначальную русскую душу. Так что лозунг славянофилов гласил: назад, к допетровским временам! По их мнению, подлинно русские институты, такие как сельская община (мир), сохранили душу России. Ее можно было также найти в народной поэзии, и оказалось, что унаследованные от Киевской Руси сокровища поэзии сохранились и в Карелии — именно в тех самых краях, в которых собирались и строфы «Калеваль»!

Романтизм славянофилов и их крестьянское одеяние подвергались насмешкам уже в то время. Также их противники — западники — говорили о своем желании спасти Россию, но, по их мнению, этого можно было достичь только выполнением всей программы Петра Великого. Причиной обособленности и половинчатого

положения России было именно то, что подметили славянофилы, а именно — большие массы народа еще не были вовлечены цивилизационно в западную культуру. Наступило время взяться за дело.

Как славянофилы, так и западники в принципе являлись своего рода оппозиционными движениями, т. к. у них имелись политические идеи и программы. Подобного рода вопросы официально относились к компетенции только самодержца, который был вне критики. Дело касалось также памяти Петра Великого, монарха, к которому славянофилы относились без особого почтения. В силу этого их первоначально считали подозрительными элементами, и некоторым из них даже довелось недолгое время провести в тюрьме. Оба течения заверяли всех в своей любви к России: славянофилы относились к ней как к матери, западники — как к дитяти.

Николай Рязановский написал прекрасную книгу об образе Петра Великого в разные периоды истории России. Отношение к титаническому труду Петра дает полное представление о культуре того времени. Для охваченных народным романтизмом славянофилов Петр был историческим вредителем, для западников — титаном. С точки зрения соседей России Петр был завоевателем, который расширил сферу влияния России и сделал страну фактором военной силы и угрозой Европе. Оказавшиеся в сфере влияния России страны могли, однако, заметить, что для них наиболее опасным течением являлось славянофильство, которое было склонно любоваться всем русским и принижать западную культуру. Во времена Александра II, благодарная память о котором сохранилась в памяти финнов, Россия стала целеустремленно поворачиваться к Западу и стремилась модернизировать свое общество. Славянофилы в этот период имели политическое значение, но, с точки зрения Финляндии, оно не было решающим. Реакция времен Александра III была обусловлена скорее реальными политическими факторами, чем славянофильством, хотя финские газеты обвиняли именно славянофилов и «панславистов» в недружественных нападках на Великое княжество. Эти обвинения в целом отвергались. Только Николай II чувствовал себя хорошо среди славянофильских символов, появляясь на публике в средневековой русской одежде и собирая при дворе религиозных мистиков, наиболее известным из которых был Распутин. Парадоксально, но самым упорным защитником его самодержавия и подлинного русского начала была императрица Александра, немецкая принцесса по происхождению.

Финны подозревали, что самым большим их врагом является обер-прокурор Святейшего Синода, воспитатель наследника трона Константин Петрович Победоносцев, который в действительности был консервативным бюрократом. Среди подобных ему людей редко можно было найти человека, столь хорошо знающего английскую и французскую культуру, помимо прочего интересующегося философией истории Томаса Карлайла. Хотя он, без сомнений, поддерживал урезание прав меньшинств, он в этом не руководствовался славянофильскими идеями. Напротив, он, как представляется, просто верил в то, что историческое развитие должно быть органичным, тихим и медленным. Для прав евреев, староверов и других меньшинств он не видел исторического оправдания или перспектив будущего.

Значение национальных меньшинств для России представляло собой реальную проблему, которая не была разрешима одним только философствованием, хотя и оно могло иметь в этом деле значение. К славянофильской традиции вообще причисляют Николая Данилевского, предшественника Освальда Шпенглера как предсказателя крушения Запада, который в 1869 г. опубликовал книгу «Россия и Европа». Как Победоносцев, Катков и Достоевский, так и Данилевский в молодости подпал под власть радикальных идей, но позже отказался от них. Данилевский отошел от славянофильской традиции, будучи еще более радикально настроенным, чем начавшие в 1830-х гг. великий спор его первые представители. По мнению Данилевского, Россия никогда не объединится с Европой. Русская и европейская цивилизации представляют собой совершенно не похожие друг от друга культуры, основанные на непримиримых принципах. Философ рассматривал культуры как растения. Если существом России является береза, не стоит пытаться растить тополя. Предвосхищая Шпенглера, Данилевский также уподоблял жизнь цивилизаций процессу прорастания, роста и увядания растений. Россия находилась в том счастливом положении, что она была еще молодой, тогда как Европа клонилась к своему концу. Данилевский в этом умозаключении был един во взглядах со своими предшественниками XIX в., мысль о молодости российской культуры входит в арсенал идей романтических патриотов почти два столетия. Ее можно встретить у Достоевского, она прослеживается у апокалиптиков Серебряного века, у Льва Гумилева в 1990-е гг. и даже в 2010 г. у президента Медведева, хотя его ни в коем случае нельзя причислять к славянофилам.

Во всяком случае, Данилевский был настойчивым защитником самоценности русской культуры. По его мнению, русские были одним из редких народов, имеющих собственный культурно-исторический тип. Поскольку у финнов, как и у других малых народов, не было возможности создать собственный культурно-исторический тип, лучшей альтернативой для них было играть вспомогательную роль, быть «этнографическим материалом» для русской нации. По свидетельству истории финские народы не принадлежали к числу создающих государство народов, хотя в некотором смысле они по своей природе относились к таким народам, у которых имелась к этому способность. Согласно истолкованию Данилевского, Россия даже не захватывала Финляндию, но приняла финнов под свою доброжелательную защиту, т. к. финского государства не было и не могло быть. Финны, в соответствии с этой точкой зрения, никогда не жили «исторической жизнью». В случае с финнами альтернативой было владычество или России, или Швеции. Финны могли преуспеть, оказавшись в Российской империи, в которой у них имелись возможности сохранить этнографическую самостоятельность. Швеция, как малая страна, была бы вынуждена ассимилировать свое меньшинство.

Данилевский, поддерживавший обособленность от Запада и патриотический фанатизм, сам по себе не был человеком влиятельным. Однако он не был одинок, в конце XIX столетия шовинистические идеи, по-разному обосновывавшиеся, находили отклик по всей Европе. В России они угрожали положению Финляндии, которая, без сомнения, была некоей аномалией на государственной карте, неким династическим реликтом наподобие Австро-Венгрии. Славянофильская идеология, которая по своим принципам не была агрессивной, в принципе, не предлагала угнетать Финляндию или другие страны. Ее основное отрицательное значение, пожалуй, заключалось в том, что она, особенно у Данилевского, предлагала рассматривать отношения между народами как игру с нулевым итогом. В отличие от ранних славянофилов (а позже, между прочим, от Достоевского), Данилевский не говорил о Европе как о территории великих памятников и святых чудес, которая была мила для русской души. Напротив, она рассматривалась как враждебный и чуждый элемент. Используемое позже нацистами понятие *artfremd*¹ также отражает это отношение.

¹ Т. е. чуждый, не принадлежащий к господствующей расе.

В общем и целом, отголоски чаадаевского выстрела обнажили скрытую раздвоенность в русской среде. Свое и традиционное — близко и любимо для русских, как и для всех других народов. То, как собственный народ относится к другим народам, является проблемой для тех, чья идентичность слаба. В России, как и везде, есть известное число людей, у которых имеется потребность ставить себя выше других только на том основании, что те не принадлежат к определенному народу. Нередко эта позиция является реакцией на пренебрежение, которое проявляют другие народы. Однако это способно усиливать силу действительной или воображаемой травмы. Это явление известно повсюду или почти повсюду. Для Финляндии русский шовинизм стал угрозой в конце XIX — начале XX в. Это время повсюду было временем подъема масс и империализма, расовые идеи входили в привычный дискурс культуры. В Западной Европе ситуация изменилась после Второй мировой войны, но окопавшаяся за железным занавесом Россия осталась вне этого процесса.

После краха Советского Союза Россия восстановила связь с европейской цивилизацией только после семидесятилетней паузы, когда культура пыталась одновременно продолжать былую историю и находиться вне ее, в соответствии с тем процессом, который в западном мире длился десятки лет. Она присоединялась к этой культуре, но пришла туда извне и в этой «несовременности», пожалуй, самый значительный отличительный штрих современной российской культуры и этим она вызывает особый интерес. Образно говоря, пистолет Чаадаева все еще дымит...

Пушкин как символ России

Образ Пушкина в истории России может послужить хорошим исходным пунктом для рассмотрения характерных именно для российской культуры черт. Пушкин был поэтом и писателем, который зарабатывал своим творчеством. Был ли он профессиональным писателем? Для русского уха этот термин в применении к Пушкину воспринимался бы как оскорбление и принижение его таланта. Для русского человека Пушкин отнюдь не был личностью, для которого писательский труд являлся средством к существованию, но некой творческой стихией, значение которой неизмеримо.

Гениальность Пушкина, с точки зрения русского, не только человеческая, она божественная. Он — посредник, который пребывает